

ГРОМ ГРЯНУЛ – ПЕРЕКРЕСТИМСЯ?

Игорь Витальевич Олин,

*директор средней школы посёлка Вахруши Кировской области,
депутат Слободской районной думы*

Страшной новостью для всей России стало известие, что в Кировской области за несколько дней курительными смесями отравились более полутора сотен человек, пятеро из них скончались. Трагедия, масштаб которой в пересудах обывателей возрастал в разы, оказалась, наконец, таковой, что её было нельзя замолчать, тем более, что пострадавшими были подростки, фактически дети.

• курительные смеси • безнаказанность • возможные меры воздействия

Буквально через пару недель правоохранительные органы отчитались в разгоне преступных группировок, торговавших смертоносным товаром, во всяком случае, волну летальных исходов удалось остановить, за что полиции честь и хвала. Органы правопорядка ещё раз доказали, что при наличии в стране (регионе) политической воли они способны быть эффективными. Однако эта победа не должна чересчур умилять общественное мнение, потому что случившееся наглядно продемонстрировало, насколько широк круг молодёжи, подсевшей на «спайсы». Проблема эта родилась не вчера, и она не уйдёт завтра.

Где тонко, там и рвётся

Если полистать давние и недавние отчёты органов системы профилактики, то очевиден будет вывод: мы несколько лет если не совсем закрывали глаза на проблему распространения курительных смесей, то уж точно её ретушировали.

Вся борьба сводилась, в основном, к галочкам в строке «количество проведённых бесед», а на чрезвычайные

происшествия следовала обыкновенная реакция бюрократической системы: поступали недовольные запросы из областных инстанций, чей покой растревожили, отписывались очередные кипы бесполезных бумаг, и вся эта деятельность была направлена, казалось, на то, чтобы доказать (кому только?) отсутствие причин для серьёзного реагирования.

Свойственные нашей власти благостность, умиротворённость, приветствие всякого молчания в противовес любому предостережению, полное бездействие до момента появления гоголевского ревизора и в этом вопросе рано или поздно должны были вылиться в катастрофу. Случившаяся драма высветила реальный результат работы по противостоянию наркомании, дала оценку бесконечным заседаниям бесчисленных комиссий и их фолиантам протоколов и решений.

Конечно, сейчас на местах начались потуги в поисках виновных, и ими, естественно, оказались педагоги, которые не сумели воспитать в легкомысленных потребителях опасного дурмана ни патриотов, ни избирателей. Оставим подобный вывод на совести управленцев, чья бездарность

абсолютна, — профессия учителя для них удобна, прежде всего, тем, что на неё можно сваливать любые социальные язвы.

На самом же деле, если отринуть повсеместно господствующий формализм, методы решения проблемы изначально были негодными. Кому-то взбрело в голову, что подростковую наркоманию можно победить уговорами. В учебные заведения посыпали представители прокуратуры, управлений, собесов и прочих носителей духовных скреп, чьё мимолётное явление пред очами заблудших чад, при всём уважении, вряд ли могло внести перелом в ситуацию. Простите, не верится как в панацею ни в душевительные курсы, как то: «Я — гражданин России», ни в ГТО, ни во встречи с людьми в погонах. Меры эти, конечно, могут быть полезны, но введение дополнительно урочного часа или мероприятия не способно ликвидировать наркоманию, потому что данные меры сугубо косметические, не вносящие ничего кардинально нового в общую школьную стратегию.

Реальность

Воротилы преступного бизнеса отнюдь не дремлют. Они используют любой шанс, каждый пробел в законодательстве, всякую неустроенность для вовлечения в оборот новых и новых жертв, которые станут прирачивать их капиталы либо как потребители, либо как распространители наркотиков. Надо признать, что в среде подростков, как правило, из неблагополучных, малообеспеченных семей, им удалось во многом романтизировать свою деятельность. Тайные от взрослых сети, шифровки при общении, закладки и тайники, словно в азартной шпионской игре, соединяются с чувством значимости и силы, которое придаёт криминальная команда. Сюда же добавляются ложное ощущение взрослости, наступающее якобы через нарушения правил, установленных социальными институтами, и преодоление запретов на взрослые удовольствия. Дети, на которых родителям не хватает внимания (по разным причинам — например, неполные семьи, где матери на двух-трёх работах с минимальной оплатой труда пытаются хоть как-

то сводить концы с концами, чтобы не обречь своих непутёвых детей на полуголодное существование), попадают в ловушку дельцов наркобизнеса, создающих для них мираж внимания, дружбы, ухода от бедности. Счёт жертв курительных семей, судя по вершине проявившегося айсберга, пошёл на тысячи юных судеб.

На стороне поставщиков смертельной отравы, превративших в свою опору часть молодого поколения, на мой взгляд, два ключевых фактора:

- излишне либеральное законодательство в отношении малолетних преступников и превратившаяся в ханжескую позицию правосудия, «дружественного к детям»;
- ущербный порядок взаимоотношений среди органов системы профилактики, порождённый бюрократической государственной системой.

Сегодня в сетях наркодельцов оказываются ребята с 13–15 лет, в отношении которых отсутствуют реальные возможности воздействия. Даже если они совершают череду преступлений: кражи, грабежи, вымогательство, ведут асоциальный образ жизни, бродяжничают, ежедневно употребляют наркотические вещества, возраст не позволяет привлечь их к серьёзной ответственности. Родители (как правило, одинокие матери) к этому времени утратили на детей какое-либо влияние, и налагаемые в виде наказания штрафы лишь усугубляют материальное положение семей — ведь одновременно приходится возмещать стоимость похищенного в дополнение к тому, что из дома регулярно пропадают ценные вещи. А подними руку на такое чад, всегда продвинутое в знании собственных прав и чужих обязанностей, — уголовное дело за жестокое обращение с ребёнком обеспечено. В то же время максимум, что грозит несовершеннолетнему преступнику, — месяц изоляции в центре временного содержания. Система спецучреждений разрушена.

Между тем подросток деградирует под влиянием систематического употребления наркотического дурмана и от осознания

безнаказанности. По мнению Е. Ройзмана, лидера фонда «Город без наркотиков», оценившего ситуацию в Кировской области, «спайсы» по охвату жертв и тяжести последствий превзошли не только марихуану, химическим аналогом которой они являются, но и героин. Он говорит: «Если героинового наркомана можно вытащить с того света, очистив кровь и сняв ломку, то со «спайсами» всё гораздо сложнее. Реабилитация даёт какой-то эффект на четвёртый месяц, не раньше». А наша система упорно продолжает бороться с подростковой наркоманией беседами и стендовыми материалами: ребёнок, который смертельно болен и требует долговременного лечения, продолжают пичкать нотациями и «дружественно» вести к 18 годам (если доживёт), чтобы тогда-то уж припомнить ему всё и упечь на всю катушку.

Понятно, что остановить молох наркомании при таком положении невозможно. Уходят одни — в тюрьмы, придорожные канавы, могилы, но приходят другие. Подростковая преступность растёт, несмотря на работу школ, подразделений и комиссий по делам несовершеннолетних, центров социального обслуживания населения, прокуратуры. И встаёт извечный русский вопрос: «Кто виноват?». Что показать в отчётах? Кого уличить в халатности перед высоким начальством? И вместо слаженной совместной работы те, кто наделён правами контроля, начинают искать недостатки в деятельности тех, кто такими правами не наделён. Всякие управления и надзорные органы обрушиваются на учебные заведения, выискивая недостатки в ведении документации, недоработки классных руководителей. Порою смешно и грустно наблюдать, как десятки людей из самых разных инстанций, способные разве что на полчаса сомнительного морализаторства, учат педагога работать с категорией «трудных подростков» — педагога, отдавшего этим детям годы жизни.

Что делать?

Чтобы действительно решать проблему наркомании в молодёжной среде, нужны несколько шагов:

- направление на принудительное лечение подростков, чья зависимость от курительных смесей очевидна;
- восстановление системы специальных учреждений закрытого типа для малолетних преступников;

ШКОЛА И ВОСПИТАНИЕ

- принятие решений в отношении мер воздействия на подростков и неблагополучные семьи коллекцией, в которой педагоги получают равноправный голос с полицейскими, прокурорами и чиновниками;
- отказ от формализма — исключение количественных показателей в вопросах работы с неблагополучными семьями и детьми; переход к преимущественному использованию качественных показателей при оценивании данного направления работы органов профилактики.

Да, это сложнее, чем с каменными лицами искать без вины виноватых, так же сложно, как, к примеру, восстановить систему дополнительного образования. Но если статус-кво сохранится, то решение вопроса дальше лакировки действительности не сдвинется.

...На днях пришлось разговаривать с матерью 14-летней девочки, которая горько махнула рукой: «Да никому такие наши дети не нужны!». Свою 14-летнюю дочь, имеющую двухлетний стаж употребления «спайсов» и на сей раз находившуюся в крайне неадекватном состоянии (галлюцинации, истерика, бегала с ножом), она с помощью инспектора ПДН пыталась поместить куда-либо на стационарное лечение в областном центре. В больницах и наркологических центрах такой услуги нет. В специализированном диспансере с отделением «Помощь подросткам и детям» принимают только с 15 лет, а про 14-летнюю зло посоветовали «спросить у Астахова». До этого звонила в наркоконтроль, взяли данные — ни ответа, ни привета. После долгих мытарств девочку поместили, наконец, в психиатрическую больницу, вот только от наркомании здесь не лечат. Приведут в чувство и выпустят через несколько дней. А потом... снова беседы, в реабилитационных центрах для подобных детей власть необходимости не видит.

Зато проверяющих — море, и все чиновники при деле. **НО**